

УДК 355.356 + 355.4

США – ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: СТО ЛЕТ «ОСОБЫХ ОТНОШЕНИЙ»*

© 2012 г. **С.Л. Печуров****

НИО Министерства обороны РФ, Москва

Поворот «к лучшему»

Уход с политической сцены Эдварда Хита и его замещение лейбористами с вновь назначенным премьером Гарольдом Вильсоном (1974–1976 гг.), а затем Джеймсом Каллагэном (1976–1979 гг.) знаменовало очередной поворот в британско-американских отношениях в сторону потепления.

И тем не менее первое же международное осложнение опять чуть было не превратило Лондон и Вашингтон в конфликт. Речь идёт о кризисе вокруг Кипра в июле 1974 г., когда проамериканская военная хунта в Афинах попыталась учинить переворот в Никосии, свергнуть законного президента Кипра архиепископа Макариоса и посадить в кресло руководителя государства своего ставленника.

Будучи в то время министром иностранных дел, Дж. Каллагэн упорно доказывал своим американским коллегам необходимость обуздать греков, чтобы тем самым предотвратить опасные для всего западного союза последствия, чреватые войной между членами одного альянса – Грецией и Турцией. Американцы не вняли, по сути, уговорам британцев. Дипломатии и Великобритании, и США стоило невероятных трудов, чтобы разрулить ситуацию, сложившуюся именно так, как предсказывал Лондон. Британцы в очередной раз проглотили «горькую пилюлю», но и американцы «с благодарностью» в очередной раз усвоили урок, преподанный им более искушённой в таких делах британской дипломатией. Однако надо отдать должное американцам: в «разборках», последовавших после революции в Португалии в том же году, они, как отмечалось в ряде исследований, прислушались к рекомендациям Лондона. Во всяком случае именно Г. Вильсон в августе 1975 г. в ходе переговоров с советским руководством, накануне «проконсультировавшись» с американскими коллегами, прямо заявил советскому руководителю Л. Брежневу, что позиция СССР по Португалии станет критерием оценки отношения Москвы к разрядке глобальной напряжённости в целом [11, р. 96].

* Окончание. Начало см.: «США ♦ Канада», 2012, № 7. – *Ред.*

** ПЕЧУРОВ Сергей Леонидович – генерал-майор, доктор военных наук, профессор, академик РАВН, член Научного совета при СБ РФ.

Следует подчеркнуть, что официальный Лондон весьма скептически относился к разрядке и оказался последним, подключившимся к подготовке Конференции по европейской безопасности, которая в конце концов завершилась подписанием в августе 1975 г. Заключительного акта. Британская дипломатия ставила себе в заслугу то, что именно ей удалось склонить Москву к включению в повестку дня переговоров, а затем и в текст договора положения о «соблюдении прав человека», которые позднее искусно использовались Западом в жёсткой идеологической борьбе с «коммунистическим блоком». Включение в переговорный процесс вопроса «о правах человека» одобрила и американская администрация, подвергавшаяся нападкам со стороны правых в США за серьёзные, как они считали, уступки Советам со стороны Р. Никсона.

Крушение разрядки («детанта») вследствие ввода советских войск в Афганистан в 1979 г. было встречено в Лондоне с некоторой степенью «злорадства» (мол, предупреждали!) и самодовольства в том плане, что якобы выверенные британской дипломатией прогностические оценки относительно будущего поведения русских полностью подтвердились. С этим не могли не согласиться и за океаном.

Лейбористский кабинет рассматривал свою миссию в отношениях с Вашингтоном в качестве «сдерживающей силы». В частности, британцы с неодобрением отнеслись к позиции американцев в конфликте в Анголе и втягиванию США в гражданскую войну на стороне одной из враждующих сил. Одновременно британцы, к неудовольствию Вашингтона, упорно сопротивлялись попыткам американской администрации втянуть их в сложно развивавшийся кризис на юге Африки, обострившийся из-за отказа Яна Смита признать права большинства чернокожего населения Родезии и позиции лидера Южной Африки Дж. Фостера, искусно избегавшего давления Запада, чтобы заставить южноафриканского лидера повлиять на расистское руководство соседнего государства образования.

Приблизительно аналогичным образом был вынужден вести себя Г. Вильсон и по отношению к развитию событий на Ближнем Востоке. Ему претила прямолинейность американского президента Дж. Форда, занявшего однозначно произраильскую позицию. В 1978 г. Дж. Каллагэн, сменивший Вильсона на посту премьера, по мнению многих специалистов-международников, сыграл весьма конструктивную роль в организации Кэмп-Дэвидского процесса, добившись от избранного в 1976 г. президента США Дж. Картера более взвешенной позиции в начавшемся было урегулировании арабо-израильского конфликта. Более того, демонстрируя «равноудалённость» и «непредвзятость» официального Лондона, Каллагэн отверг просьбу Вашингтона о гарантиях поставки Израилю североморской нефти в случае возобновления конфликта в регионе, что, в целом, было благоприятно встречено в арабском мире [11, р. 97].

«Спокойствие» и «конструктивизм»

Годы нахождения у руля власти в Лондоне Дж. Каллагэна вообще характеризовались как «спокойные», в том числе и применительно к сфере британо-американских отношений. Он быстро сблизился с президентом Дж. Картером, который весьма высоко ценил британского премьера как искусного в прошлом

дипломата и специалиста в области внешней политики. В свою очередь, в Лондоне полагали, что новый лидер США, мало искушённый в международных делах, целиком посвятит себя решению внутренних проблем. Однако Картер, находившийся под большим влиянием своего советника Збигнева Бжезинского, фанатично настроенного на «повсеместное противодействие коммунизму», сделал приоритетом своей команды «борьбу за права человека», что подразумевало активную деятельность именно на международной арене. Внешне приветливый и малоамбициозный американский президент поначалу завоевал популярность у британцев. Его визит на родину предков в Ньюкастл-на-Тайне и в Дорхэм в Великобритании в 1977 г. имел большой успех. Дальний родственник Каллагэна Питер Джей, назначенный британским послом в США, установил неформальные отношения с ключевыми лицами администрации и также немало содействовал тесному взаимодействию обоих государств.

Серьёзной проверкой дееспособности англосаксонского тандема стала совместная работа в 1978 г. дипломатии обеих стран по окончательному разрешению родезийской проблемы. Попытки лидера Родезии Я. Смита решить проблему без привлечения к этому процессу руководителя левого Патриотического фронта Роберта Мугабе натолкнулись на скоординированное противодействие Вашингтона и Лондона, которые предупредили Смита, что тем самым он провоцирует гражданскую войну, в которую может быть втянут Советский Союз. К весне 1979 г. при самом активном участии американцев и британцев конфликт, наконец, был разрешён, и сначала неформальным, а затем официальным лидером нового независимого государства Зимбабве стал их ставленник – епископ Абель Музорева.

Совместная активность США и Великобритании на европейской арене, с одной стороны, дала позитивные плоды с точки зрения приведения к единому знаменателю позиции Запада, а с другой – в очередной раз породила подозрения в том, что Лондон опять «начал плясать под дудку» Вашингтона. Дж. Каллагэн, хотя и без энтузиазма, поддерживал противоречивое решение НАТО принять американский план развёртывания в Европе нейтронного оружия. Колебания же американцев в этом вопросе поставили британского премьера в весьма щекотливое положение. Натовское «двойное решение» о развёртывании крылатых ракет и ракет «Першинг-2» при том, что Москве в то же время было сделано предложение начать переговоры о контроле над вооружениями, давало новый шанс британскому премьеру проявить своё умение в мировой политике. Лондон, демонстрируя «беспристрастность», пытался играть роль посредника, что, в свою очередь, позволяло Вашингтону, опираясь на авторитет Дж. Каллагэна, уделять больше внимания своим европейским партнёрам, например Франции («плохого мальчика» НАТО) и Западной Германии, всё в большей степени становившейся центральным звеном в реформирующемся Североатлантическом союзе и, как полагали в Белом доме, главным «интегратором» Европы в целом [11, р. 98]. Именно при Каллагэне Британия приступила к решению сложной проблемы в двусторонних американско-британских отношениях, касавшейся модернизации национальных ядерных сил.

В «эру лейбористов» 1970-х годов произошли важные события и в финансово-экономической области, затронувшие напрямую отношения Лондона и Вашингтона. Прежде всего речь идёт о вступлении Великобритании в «Общий рынок» и последствиях этого шага. Проведённый в стране летом 1975 г. референдум по данному вопросу и его положительные результаты были с нескрываемым удовлетворением встречены в Вашингтоне. Газета «Крисчен сайенс монитор» от 12 июня 1975 г. подчёркивала: «В Вашингтоне почти все считают исход референдума самым лучшим известием, полученным из Англии со времен Второй мировой войны» [2]. США, начиная с первого обращения Британии о приёме в «Общий рынок» ещё в 1961 г., неизменно поддерживали Лондон в этом направлении. Прагматики из Белого дома, к какой бы партии они ни принадлежали, считали, что приверженные глубоко укоренившимся ценностям «особых отношений» представители британского истеблишмента всегда будут сторонниками укрепления атлантических связей, с мнением которых не может не считаться «объединённая Европа». Данный факт на фоне расширения финансово-экономических связей двух стран объективно способствовал укреплению «особых отношений». Вместе с тем, не до конца преодолённый в результате девальвации британской валюты в 1967 г. финансово-экономический кризис в Великобритании продолжал углубляться и не мог не коснуться американо-британских отношений в целом.

Белый дом, с удовлетворением оценивавший «подыгрывание» официального Лондона акциям американцев на международной арене, не одобрял реализуемую лейбористами финансово-экономическую политику внутри страны, которая, по мнению американцев, была бесперспективной и чреватой усугублением складывавшейся ситуации. Вашингтон ещё при президенте Дж. Форде начал оказывать давление на британский кабинет с целью кардинального изменения его финансовой политики, субсидируя, однако, экономику Британии значительными займами. Находившееся под влиянием рыночных настроений руководство Международного валютного фонда (МВФ) и Международного банка реконструкции и развития (МБРР) настаивало на выполнении Лондоном жёстких условий предоставления ему помощи для предотвращения грозящего стране финансового коллапса. Обращение Каллагэна к Белому дому за содействием в разрешении кризиса нейтрализовывалось внутренней британской оппозицией, состоявшей из «ортодоксальных рыночников» и консерваторов, предлагавших «кардинально» иной путь вывода страны из кризиса, который позже был назван «тэтчеризмом». После ожесточённых дебатов в кабинете предложенный МВФ пакет мер был принят, но его реализация знаменовала начало конца «эры лейбористов», что, однако, несмотря на имевшие место существенные сдвиги «к лучшему» в двусторонних отношениях, формально с одобрением было встречено в Вашингтоне.

«Беспрецедентный союз»

Лично для Дж. Картера уход Дж. Каллагэна из большой политики был существенной потерей, но он всячески демонстрировал поддержку новому премьеру-министру Великобритании, главе консерваторов Маргарет Тэтчер, вступившей в должность в 1979 г. Однако «железная леди», как почти сразу

её окрестили в СМИ, не питала особых симпатий к демократической администрации в Белом доме, хотя публично ратовала за дальнейшее укрепление контактов между руководителями обоих государств.

Победа республиканцев на президентских выборах в США в 1980 г. и «воцарение» в Белом доме Рональда Рейгана с его ультраконсервативной командой ознаменовали поистине новую эпоху в американо-британских отношениях и беспрецедентное сближение военно-политических курсов двух стран. Уже отойдя от большой политики, Маргарет Тэтчер охарактеризовала «особые отношения» двух государств той поры как «величайший союз защиты свобод и справедливости, которого мир еще не знал!» [15, р. 114].

М. Тэтчер первой из международной политической элиты нанесла визит в Белый дом и лично предстала перед Р. Рейганом, очарованным прагматичным и консервативным мышлением своей гостьи, ставшей с тех пор его самым близким партнёром на международной арене.

Время 1980-х годов было чрезвычайно насыщено эпохальными событиями, в которых, однако, во всей полноте проявилась решительность британского премьера: Лондон не всегда полностью одобрял действия Вашингтона. Своеобразными испытаниями на прочность двусторонних отношений в те годы стали: Фолклендский конфликт 1982 г., американское вторжение в Гренаду в 1983 г., бомбардировки Ливии в 1986 г. и ряд других кризисных ситуаций, в которых, порой, имело место принципиальное несовпадение позиций Вашингтона и Лондона. Тэтчер стоило больших усилий и мобилизации всей британской дипломатии заставить Белый дом отойти от «псевдосправедливой», а затем и «псевдонеutralной» позиции в конфликте между Британией и Аргентиной вокруг Фолклендских островов и в конце концов полностью склонить Вашингтон на свою сторону.

После того как американцы осуществили военное вторжение в Гренаду – члена Содружества и свергли там «прокоммунистический» режим, М. Тэтчер, осудившей сначала прямолинейность заокеанских союзников, затем пришлось довольно долго «выкручиваться» и в парламенте, и перед британской общественностью, и перед членами Содружества, изыскивая аргументы для объяснения поворота своей политики в поддержку действий США. В аналогичную ситуацию попал Лондон и в связи с воздушными налетами на Ливию, когда Тэтчер лично, прибегая к различным дипломатическим уловкам, вопреки своей изначально отрицательной позиции в отношении действий Вашингтона, удалось смягчить недовольство мирового общественного мнения и нейтрализовать «негативизм» европейских союзников.

Порой тэтчеровский национализм напрямую входил в противоречие с её же «проамериканизмом». К примеру, когда в ответ на введённое в Польше в декабре 1980 г. военное положение Вашингтон начал активно противодействовать реализации советского проекта сибирского трубопровода для поставок газа в Западную Европу, М. Тэтчер опять же лично принялась доказывать американцам «нерациональность» такого шага. При этом она, в целом поддерживая политику санкций в отношении СССР, в данном случае выступала как прагматик, заботившийся о финансово-экономической выгоде своей страны при осуществлении данного проекта. В качестве аргумента она вопрошала:

почему бы Вашингтону, в свою очередь, не объявить эмбарго на поставки зерна Советам? [1, p. 114].

Склонность британского премьера к «личностной дипломатии» и использование своих дружеских отношений с президентом США и ключевыми фигурами американской администрации приносили позитивные плоды не только для поддержания в глазах общественности своего авторитета на довольно высоком уровне, но, порой, и шли на пользу делу разрядки глобальной напряжённости. Известно, что именно благодаря Тэтчер в Белом доме со всей серьёзностью отнеслись к шагам Москвы, направленным на нормализацию отношений с Западом и попыткам М. Горбачева реформировать экономику СССР по рыночному образцу.

А в ряде ситуаций на международной арене британский кабинет действовал даже жёстче, чем от него ожидал Белый дом. Например, Тэтчер демонстративно поддержала американскую политику «насаждения демократии» в Западном полушарии в целом и, в частности, развязанную вооружённую борьбу против сандинистов в Никарагуа. Лондон активно содействовал перевооружению американцами саддамовского режима в Ираке, толкая его на борьбу с Ираном. Британия помогла США в реализуемой ими программе подготовки моджахедов для участия в вооружённом сопротивлении советским войскам в Афганистане и снабжала их самыми современными на тот период ракетами «Блоупайп» класса «земля-воздух». Лондон после многих лет воздержания возобновил военную активность за пределами Европы, участвуя в военноморском патрулировании в водах, омывающих Аравийский полуостров, включив контингент своих войск в многонациональные силы в Ливане и подключившись к другим акциям с применением национальных ВС. Консервативный кабинет существенно увеличил военный бюджет, выделяя на военные цели средств в среднем больше, чем европейские союзники, что, безусловно, вызывало удовлетворение в Вашингтоне.

Весьма непростая ситуация в двусторонних отношениях сложилась в связи с объявленной Рейганом в марте 1983 г. так называемой Стратегической оборонной инициативой (СОИ). Реализация этой, по сути, новой американской стратегии, направленной на «подталкивание СССР к экономическому коллапсу», по всеобщему признанию, сулила не только беспрецедентный виток гонки вооружений, но и, чего больше всего опасались европейские союзники, не гарантировала Европе американский оборонительный «зонтик», оставляя европейцев незащищёнными перед лицом советского превосходства в обычных силах. Поначалу М. Тэтчер даже намеревалась, следуя примеру Парижа, в открытую встать в оппозицию планам Вашингтона. Однако, оценив все «за» и «против», она искусно воспользовалась личными симпатиями к ней со стороны Рейгана, чтобы добиться публичных гарантий «ядерного сдерживания» в Европе и даже подключения британских компаний к программе СОИ, сулившей, как считалось, миллиарды долларов. Помимо этого ряд аналитиков расценивали в качестве крупного дипломатического успеха Тэтчер тот факт, что ей удалось «на приемлемых условиях» добиться от Вашингтона согласия на содействие в модернизации национальных ядерных сил путём приобретения у США самых современных на тот период систем «Трайидент» [3].

В сфере контроля над вооружениями усилия Тэтчер были направлены на то, чтобы в процесс американо-советских переговоров были включены и британские аргументы, или по крайней мере учитывалась особая позиция Лондона. Сразу после подписания в 1987 г. Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности Тэтчер выступила с заявлением в том плане, что американское ядерное оружие в Европе следует сохранить, а британский ядерный потенциал, как и французский, должен быть неотъемлемым элементом западной политики сдерживания СССР.

Почти всегда противясь общему тренду европейского объединения, М. Тэтчер усматривала в данном процессе опасность нарушения так лелеемых ею «трансатлантических связей». Как подчёркивает в своей книге Дж. Дамбрелл, «проамериканизм Тэтчер порой подтачивал её кредитоспособность» [11, р. 113]. Не успело начаться в середине 1980-х годов реанимирование Западноевропейского союза, как британский премьер тут же охарактеризовала эту организацию как «противоречащую интересам НАТО». Дав вовлечь себя в серьёзный скандал в Вашингтоне, связанный с продажей оружия Ирану в обмен на возвращение заложников, она скомпрометировала себя как «принципиального борца с терроризмом».

Отмеченная «чрезмерная односторонность» внешнеполитического курса М. Тэтчер в качестве премьера, как представляется, не совсем адекватно оцениваемая многими экспертами как «молчаливая покорность Вашингтону», в известной степени всё же наносила ущерб репутации Великобритании с точки зрения её членства в «европейской семье». Однако влиятельные и незаурядные главы внешнеполитического ведомства в её кабинете, кстати, подбиравшиеся ею лично, такие как лорд Каррингтон (1979–1982 гг.), Франсуа Пим (1982–1983 гг.), Джеффри Хау (1983–1989 гг.) и Дуглас Хард (1989–1995 гг.) были во многом жёсткими прагматичными политиками, настроенными куда более проевропейски, нежели их «босс». Это способствовало в целом выверенности европейской политики Лондона и вовремя снимало «накал страстей» в ходе трудоёмкого процесса формирования «объединённой Европы».

Возвращение к «умеренности»

Уход Рейгана с политической арены в 1989 г. означал конец зачастую мало предсказуемому и интуитивному стилю руководства, характерному для американской администрации на протяжении 1980-х годов, а также нивелированию «личностного фактора» во взаимоотношениях Вашингтона и Лондона. Посетив американскую столицу после избрания президентом Дж. Буша-старшего, Маргарет Тэтчер была озадачена тем, что преемник её «друга Рональда» «демонстративно дистанцировался от своего предшественника» [25, р. 783].

Рубеж 1980-х – 1990-х годов обозначил смену эпох в мировом развитии. Развал «Советской империи» и, особенно, скорость, с которой происходило крушение, казалось бы, прочнейших основ коммунизма в Европе, стали в известной степени сюрпризом как для Лондона, так и для Вашингтона. М. Тэтчер и Дж. Буш-старший разделяли опасения относительно последствий дезинтеграции СССР. Особенно осторожным пытался быть Белый дом, выступавший против форсирования событий. Это почувствовали в Москве, и Горбачев прямо

вышел на британского премьера, чтобы заручиться поддержкой Лондона «для снятия препон», чинимых Вашингтоном, как полагали советские реформаторы, на пути «вхождения модернизируемого Советского Союза в мировое сообщество демократических наций» [11, р. 123].

Однако «личностный фактор» теперь не играл особой роли, и Тэтчер чувствовала, что новое американское руководство во главе с Дж. Бушем-старшим постепенно отдаляется от неё. Она была недалеко от истины. Когда американского президента спросили о том, кто же является наиболее близким союзником США, он, упомянув «особые отношения» с Британией, тут же оговорился, что, мол, не следует выбирать среди друзей. А госсекретарь Дж. Бейкер даже как-то охарактеризовал британского премьера как «динозавра холодной войны», о чём стало известно Тэтчер [25, р. 783].

Трения с американцами не заставили себя долго ждать. Между Вашингтоном и Лондоном наметились расхождения по таким важным вопросам, как модернизация ядерных сил малой дальности, будущее НАТО, объединение Германии, разрешение боснийского кризиса, и по ряду других проблем. Особую тревогу «англосаксонистов» по обе стороны Атлантики вызывало несовпадение взглядов Вашингтона и Лондона на судьбу НАТО и на объединение Германии. Многие политики как в США, так и в Великобритании после ликвидации Организации Варшавского договора и дезинтеграции СССР, собственно, для «сдерживания» которого и была создана НАТО, стали взирать на альянс как на «реликт холодной войны». Лондон больше всего опасался, что в случае роспуска Североатлантического союза Европу покинут американские войска, которых к началу 1990-х годов оставалось здесь порядка 140 тыс. человек с перспективой сокращения в обозримой перспективе ещё на треть [11, р. 125]. Пытаясь сохранить и НАТО, и её главенствующую роль в Европе, британская дипломатия приложила максимум усилий, чтобы создаваемый под эгидой Западноевропейского союза «еврокорпус» был лишь придатком объединённых вооружённых сил альянса и мог быть задействован только с ограниченными целями, например в гуманитарных операциях.

Британцы серьёзно опасались переориентации Вашингтона на Германию в качестве главного проводника американской политики в Европе. М. Тэтчер, и без того известная как «германофоб», весьма настойчиво доказывала американцам «пагубность для всех» объединения Германии. Она считала, что процесс интеграции можно запустить лишь тогда, когда в результате постепенных преобразований Восточная Германия «созреет» до объединения. Британского премьера озадачивала и перспектива будущего франко-германского союза в случае ухода американцев из Европы и, соответственно, ослабления связей Лондона и Вашингтона. Американцев же не пугали британские прогнозы, и они, добившись согласия Москвы на объединение, с удвоенной силой начали форсировать процесс. На этом фоне британцам не оставалось ничего другого, кроме как, «кусая локти», констатировать в который уже раз девальвацию «особых отношений».

Однако следует и отдать должное упорству М. Тэтчер, которая не собиралась подчиняться обстоятельствам и изыскивала любую возможность для обозначения «объективной необходимости укрепления союза англосаксов». Так,

Лондон уже в новых условиях попытался показать Вашингтону, да и всему миру, что у американцев нет более преданного союзника, с мнением которого нельзя не считаться. Именно Британия стала первой и наиболее весомой по вкладу среди тех, кто отозвался на призыв Вашингтона участвовать в первой коалиционной войне в Персидском заливе в 1991 г., и это было весьма высоко оценено американским руководством.

Передача премьерских полномочий от М. Тэтчер однопартийцу Джону Мейджору (1990–1997 гг.) совпала с удачно развивавшимися боевыми действиями в зоне конфликта. Тэтчер еще в период развивавшегося в 1990 г. кризиса в регионе рассматривала политику своего кабинета на Ближнем Востоке как инструмент поднятия уровня «особых отношений» до утраченных было высот. Для нового же премьера координация действий руководства обоих государств в конфликте не выходила за рутинные рамки обычного сотрудничества союзников и свидетельствовала об их «естественности», и не более того. На первой встрече лидеров США и Великобритании накануне начала военной фазы кризиса между ними установились довольно близкие, но не такие, как у их предшественников, личные отношения. Мейджор позже писал о том, что «Соединённым Штатам был нужен не ещё один, 51-й штат, но сильный и надёжный союзник» [21, р. 578].

И всё же на фоне заверений обеих сторон в дружбе и неразрывности связей время от времени в позициях Лондона и Вашингтона по некоторым существенным международным проблемам отмечались несовпадения взглядов. Так, принципиально разошлись подходы американского и британского руководства к выбору путей разрешения югославского кризиса. Ни формальные американские, ни прагматичные британские усилия, направленные на смягчение дезинтеграционных процессов в бывшей Югославии, не увенчались успехом. Вашингтон рассматривал этнические конфликты в югославских республиках как «чисто европейскую проблему». Позже госсекретарь Дж. Бейкер писал о том, что Белый дом надеялся на дееспособность Европейского Союза и полагал излишним для Вашингтона ввязываться напрямую в «эти разборки», поскольку, в отличие от только что закончившейся войны в зоне Персидского залива, на Балканах якобы не затрагивались жизненно важные для США интересы. Тем не менее, Соединённые Штаты не посчитали возможным оставаться в стороне от углублявшегося день ото дня кризиса. По лекалам Белого дома был составлен так называемый совместный план Сайруса Вэнса, бывшего госсекретаря США, и Дэвида Оуэна, в прошлом главы британского МИД. Данный документ получился настолько аморфным и беззубым, что вызвал жёсткую критику со стороны М. Тэтчер, формально ушедшей в отставку, но продолжавшей влиять на формирование внешнеполитического курса страны. Единственное, что удовлетворяло бывшего премьера в этом плане, так это то, что при его реализации не предусматривалось привлечение России. Дж. Бейкер же указывал, что основной целью идеи с планом было желание Вашингтона заставить европейских союзников США, наконец, самостоятельно взяться за разрешение какой-либо локальной проблемы, в данном случае – югославской [6, р. 637]. Британский же кабинет считал наиболее рациональным вовлечение в разрешение конфликта именно американцев, а «подставлять» своих военных под удар бос-

нийских сербов Дж. Мейджор явно не хотел. К тому же именно в это время у британского премьера, начавшего процесс сокращения национальных вооруженных сил, серьёзно обострились отношения с руководством ВС и, в частности, с начальником штаба обороны Питером Хардингом, потребовавшим пересмотреть политику урезания военного бюджета.

Иллюзии Лондона

Избрание в 1992 г. президентом США Билла Клинтона породило надежды на возрождение «особых отношений» между двумя странами и возвращение их в «эру Рейгана – Тэтчер». Были известны факты учёбы нового президента в британском Оксфорде и его высказывание о том, что в своё время он считал себя «настоящим англофилом» [11, р. 134]. Однако британский истеблишмент настораживал ряд обстоятельств, в частности то, что в ходе избирательной кампании амбициозный и властолюбивый Клинтон неоднократно высказывался за «справедливое» решение так называемой ирландской проблемы, чем и завоевал симпатии не только влиятельной в США ирландской общины, но и стал популярным среди жёстко настроенных против Лондона ирландских националистов на Островах*. Скептики не ошиблись. Вновь избранный президент почти сразу начал действовать решительно и без оглядки на Лондон, причём не только в урегулировании ирландской проблемы.

Фактически без предварительной проработки с британцами американская администрация выдвинула идею о включении Германии и Японии в Совет Безопасности ООН в качестве постоянных членов, что вызвало открытое раздражение в Лондоне. Были предприняты односторонние шаги по ограничению доступа Великобритании к тестированию ядерного оружия в Неваде. В июне 1993 г. американцы нанесли несколько бомбовых ударов по Ираку, даже не поставив предварительно в известность об этом своих британских союзников, прежде тесно сотрудничавших с американцами в зоне Персидского залива.

Администрация Клинтона решила весьма существенно расширить сферу своих интересов, распространив её преимущественно на Азию за счёт сокращения «обязательств» в Европе. В 1990–1995 гг. военное присутствие США в Старом Свете сократилось на две трети и сравнялось с численностью американских ВС в Азии. Министр обороны США Уильям Коэн, обращаясь к азиатской бизнес-элите, заявил: «Средиземноморье – это океан прошлого, Атлантика – океан настоящего, а Тихий океан – океан будущего!» [8, р. 156].

Факт смещения вектора внешней политики США в направлении Азии почти сразу привёл в замешательство Лондон, который с некоторой долей недоумения воспринимал ряд шагов Вашингтона. Так, возникли трения по вопросу о будущем Гонконга. Лондон прилагал большие усилия, чтобы склонить Пекин к «приемлемой» позиции в подготовке запланированной на 1997 г. передаче КНР этой колонии при одновременном соблюдении Китаем условий сохранения, по крайней мере на 50 лет, экономических, юридических и социальных институтов анклава в неприкосновенности. Пекину при этом передавались

* Подробнее см.: *Печуров С.Л.* Ирландский фактор в американо-британских отношениях // США ♦ Канада: экономика, политика, культура. 2012. № 3. С. 19–32. – *Ред.*

бы функции контроля безопасности и внешних сношений Гонконга. Руководство Великобритании, посчитав решение данной щекотливой проблемы сферой двусторонних британо-китайских отношений, было обескуражено повышенным вниманием к ней со стороны Вашингтона. Проблема приобрела внутривнутриполитическую окраску в стенах Конгресса США, который принял резолюцию, обязавшую американскую администрацию мониторить ход событий вокруг Гонконга. Американцы, принимая во внимание жёсткость Пекина в проведении внутренних реформ, например силовое подавление оппозиции в 1989 г., высказывали опасения относительно того, что британцы «могут сдать 5,5 млн. гонконгцев китайским коммунистам», намекая на сдачу в своё время миллионов евреев нацистам в Германии [11, р. 140]. Более того, американских законодателей беспокоила и участь более 20 тыс. американских граждан, представлявших в Гонконге интересы крупных компаний США. Такая позиция американцев серьёзно напрягала официальный Лондон, поставив его в двусмысленное положение в глазах официального же Пекина. В конце концов ситуация нормализовалась, но осадок остался.

В отличие от предыдущей администрации, Клинтон и его команда «повернулись лицом» и к Балканам с намерением урегулировать наконец много лет тлеющий здесь конфликт. Для этого был выбран силовой метод, но с известными ограничениями. Вашингтон полагал возможным применить авиацию против сербов, не желавших подчиняться диктату Запада. Британия же подталкивала американцев к проведению наземной операции, которая могла быть чревата большими потерями. Вашингтон не соглашался, но взамен предложил снять эмбарго на поставки оружия боснийским мусульманам.

Все эти взаимоисключающие варианты в конце концов привели к параличу усилий и НАТО, и ЕС. Вынужденный реагировать на жёсткую позицию республиканского большинства в Конгрессе, Клинтон в 1994 г. предпринял реальные шаги с целью урегулирования ситуации, для чего направил в регион «миссию Холбрука». Это означало прямое вовлечение США в конфликт, чего и добивался Лондон. Под массированным давлением Вашингтона враждующие стороны были вынуждены подписать в 1995 г. Дейтонские соглашения, положившие конец этническому конфликту в Боснии и Герцеговине. Лондон активно подыгрывал Вашингтону в реализации этих соглашений, в инициативном порядке предоставив свой контингент войск (второй по численности после американского) в натовскую группировку в регионе численностью в 60 тыс. человек, и вызвался, опять же в инициативном порядке, провести у себя в декабре того же года специальную конференцию для анализа воплощения соглашений в жизнь. Фактически скоординированные усилия обеих стран на Балканах сняли препоны и на пути решения других вопросов в двусторонних отношениях.

Наступление идиллии?

Избрание в 1997 г. лидера лейбористов Тони Блэра премьер-министром, казалось бы, вернуло двусторонние британо-американские отношения к временам «идиллии». Главу британского правительства сближали с американским президентом не только одинаковый возраст и взаимные симпатии, базировавшиеся во многом на схожем менталитете. Более существенным была общность

взглядов обоих лидеров на модели политико-экономического устройства постиндустриальных обществ и их приверженность идеям «модернизма». После вступления Блэра на пост премьера в СМИ всплыли факты тесной работы ещё в 1993 г. «блэровской команды» с группой советников из окружения Клинтона, организованной Джонатаном Пауэллом, позже назначенным британским послом в Вашингтон, а затем и «начальником штаба» премьер-министра. Ключевые советники британского премьера Эд Болс и Дэвид Милибенд считались «стойкими американофилами», которые и были авторами блэровских инициатив в социальной и финансовой областях, рождённых по ту сторону Атлантики.

На внешнеполитической арене Лондон наглядно показал тесную увязку своей политики с курсом Вашингтона. Жёсткость американцев по отношению к саддамовскому Ираку, продемонстрированная в начале и конце 1998 г. и полностью поддержанная британским кабинетом, чуть было не спровоцировала «несвоевременную» войну на Ближнем Востоке, что вызвало негодование в европейских столицах, особенно в Париже, и открытые обвинения в адрес Блэра в том, что он «вслепую» подыгрывает Вашингтону.

Значительно сблизились позиции обеих стран и в отношении решения европейских проблем. В мае 1997 г. британский премьер заявил о том, что он и американский президент пришли к согласию относительно того, что для Британии нет нужды выбирать между Европой и США. Более того, подчеркнул Блэр, «имея сильные позиции в Европе, мы тем самым укрепляем и наши связи с США» [18, р. 672].

С началом военных действий НАТО против Югославии в марте 1999 г. Великобритания приняла самое деятельное участие в бомбардировках сербских целей в Косово и в самой Сербии. Однако, несмотря на формально провозглашённое единство взглядов обеих стран на конфликт, от наблюдателей не удалось скрыть и определённые трения в отношениях Лондона и Вашингтона. Например, стало известно, что британцы склонялись к большей гибкости в случае, если югославский лидер С. Милошевич начнёт демонстрировать уступчивость. В последующем, наоборот, британский премьер с энтузиазмом стал проталкивать идею о применении наземных сил НАТО для подавления сопротивления сербов, в чём он нашёл поддержку в США со стороны госсекретаря Мадлен Олбрайт, но натолкнулся на несогласие с этим министра обороны У. Коэна и лично президента. К маю 1999 г. начавший было склоняться к идее вторжения Клинтон попытался заручиться на этот счёт поддержкой Конгресса. Однако, имея слабые позиции в Сенате в связи с «делом Левински» и ещё не до конца изжитым у американских политиков так называемым вьетнамским синдромом, президент решил не форсировать события.

Уже после завершения военной фазы конфликта возникло новое «недоразумение», для нейтрализации которого потребовалось вмешательство руководителей обоих государств. Дело в том, что командующий наземной группировкой войск союзников в регионе британский генерал Майкл Джексон отказался выполнить приказ верховного главнокомандующего объединёнными вооружёнными силами НАТО в Европе американского генерала Уэсли Кларка о противодействии русским, решившимся на упреждающие действия по занятию аэ-

родрома в косовской Приштине. Британец аргументировал свой отказ «нежеланием провоцировать начало третьей мировой войны». Это вызвало ярость американского генерала и его апелляцию к своему президенту. Клинтон же отреагировал «мудро», прислушавшись к мнению и британцев, и своего военного истеблишмента, недолголюбивавшего заносчивого Кларка, и «погасил» конфликт, тихо убрав своего генерала из Европы, тем самым урегулировав трения с Лондоном.

На фоне в целом успешного взаимодействия Вашингтона и Лондона в ходе югославского конфликта диссонансом «звучали» разногласия двух стран по менее значимым проблемам. Так, арест и экстрадиция в Великобританию бывшей американской марионетки – чилийского диктатора А. Пиночета поставили Вашингтон в крайне неудобное положение и вынудили его приложить значительные усилия, чтобы нейтрализовать недовольство правых в своей стране и в Латинской Америке. Отмечалось и несовпадение позиций обеих стран в торговых спорах между ЕС и США, поскольку на кон были поставлены вопросы занятости и финансового обеспечения крупных коммерческих сделок конкурировавших европейских и американских компаний.

Постоянство взглядов и в новом тысячелетии

Избрание президентом США в 2000 г. республиканца Джорджа Буша-младшего, к удивлению многих не привело в упадок двусторонние связи на высшем уровне. Дружба Блэра с Клинтоном нисколько не помешала первому установить аналогичные теплые отношения и с Бушем, казалось бы, ментально резко отличавшегося от своего предшественника. Считавшийся «упёртым» консерватором новый американский президент, будучи глубоко религиозным человеком, разделял конфессиональные принципы с британским премьером и аналогичным образом отдавал предпочтение семейным ценностям, что, несомненно, сближало обоих.

В целом, политику бушевской администрации и, в частности, отводимое в ней место для Великобритании, можно разделить на два периода: до мегатеррактов 11 сентября 2001 г. и после.

До них администрация Буша открыто демонстрировала пренебрежение к трансатлантическим связям и постоянно склонялась к односторонним действиям. Следует отметить, что первые признаки «внешнеполитического эгоизма» или «самоизоляции» появились ещё в годы президентства Клинтона. США отказывались признавать многие резонансные международные соглашения, в том числе по противопехотным минам, по Международному криминальному суду и ряду другим. После «ухода в историю советской угрозы», спланивавшей западных союзников, США и Европа погрязли в бесконечных разборках уже в области экономики и торговли. В американских СМИ вновь начала муссироваться тема европейской интеграции как угрожающей интересам США. Неоконсерваторы, оказавшиеся у руля власти в Вашингтоне при Дж. Буше, без консультаций со своими союзниками начали отвергать один за другим международные договоры и соглашения, в том числе Киотский протокол, о запрете биологического оружия, о регулировании генетически модифицированных продуктов. В Европе с раздражением встретили активизацию по-

литики Белого дома в сфере противоракетной обороны, а затем и выход США из советско-американского Договора 1972 г. по ПРО. Казалось, единственным влиятельным лицом в администрации, который ратовал за поддержание тесных контактов с руководством западноевропейских стран, был госсекретарь Колин Пауэлл. По слухам, во время первого визита Буша в Европу в июне 2001 г. намечалось, что он будет целиком сконцентрирован на Испании как связующем звене между Североатлантическим альянсом и Латинской Америкой; посещение же Лондона вообще не планировалось [11, p. 150].

В этих условиях кабинету Блэра не оставалось ничего другого, как продолжать настойчиво рекламировать себя в качестве «атлантического моста», связывающего Европу и США. При этом в Лондоне открыто признавали, что «наступили трудные времена для партнёрства». Представители британского правительства при каждом удобном случае пытались донести до Белого дома мысль о том, что не следует так прямолинейно игнорировать международное право и блокировать механизмы контроля вооружений, благодаря которым на протяжении полувека удавалось поддерживать глобальную стабильность. Нигилизм американцев в отношении европейской оборонной интеграции озадачивал Блэра, который, тем не менее, считал, что именно НАТО образует ядро европейской безопасности.

Теракты 11 сентября 2001 г. «все поставили по своим местам», и следы американского «неоизоляционизма» улетучились в один день. Вместе с тем в Вашингтоне резко усилились позиции сторонников неограниченного применения военной силы для достижения целей в любом регионе мира, особенно на Большом Ближнем Востоке. Среди «ястребов» особо выделялись Пол Вулфовиц и Дуглас Фейт, сформировавшие вокруг себя влиятельную группу консерваторов из всех ведомств, подотчётных администрации.

Блэр моментально сориентировался в новой обстановке и выступил в числе инициаторов создания «международной антитеррористической коалиции». По обе стороны Атлантики вновь заговорили об «особых отношениях», связывающих два англосаксонских государства. Британский премьер стал желанным гостем в Вашингтоне и превратился в реального проводника жёсткого американского курса на международной арене. За это он был подвергнут резкой критике и в своей стране, и в других европейских государствах, где продолжали рассматривать политику Вашингтона как «одностороннюю» и «эгоистичную».

Но Блэра в тот период мало волновало мнение о нём британских обывателей и, тем более, европейцев. Несмотря на вступление мира в новую эпоху и быстро происходившие кардинальные изменения на международной арене, о чём постоянно говорил и сам Блэр, суть его политических воззрений и внутренняя философия не подверглись трансформации. Как отмечает упоминавшийся ранее специалист в области международных отношений профессор Дж. Дамбрелл, блэровское непоколебимое американофильство и его абсолютная уверенность в правоте своих взглядов на пути развития цивилизации была не чем иным, как «либеральным ястребизмом», сравнимым разве что с американским неоконсерватизмом с его мессианскими притязаниями на абсолютное превосходство США [11, p. 152]. Это сближало внешнеполитические

курсы британского кабинета и американской администрации, делая почти неразличимыми некоторые нюансы политики Лондона и Вашингтона.

В начале октября 2001 г. Британия подключилась к бомбардировкам Афганистана, откуда, как официально объявил Вашингтон, и исходила главная террористическая угроза. Конфликт в этой стране был напрямую управляем из Вашингтона, что безропотно воспринималось в Лондоне. Созданная американцами международная коалиция с вовлечением в неё оппозиционных режиму в Кабуле внутренних вооружённых формирований, казалось, довольно эффективно начала наводить в стране порядок, соответствовавший замыслам американцев.

После же завершения активной военной фазы и изгнания из Кабула исламских фундаменталистов вновь возникли трения в стане союзников. Британцы, чей спецназ принял участие в боевых действиях в Афганистане, претендовали на более существенную роль в послевоенном урегулировании в этой стране. Однако американцы, хотя и инициировали создание Международных сил стабилизации, в которые были включены контингенты из 17 стран, в том числе и Великобритании, демонстративно дистанцировались от общих военных усилий, создав в Афганистане собственную крупную группировку войск и возложив на себя главную роль по оперативному планированию. Несмотря на это, Блэр продолжал всячески поддерживать шаги Белого дома по урегулированию кризисного развития обстановки в Афганистане, чем вновь навлёк на себя недовольство европейцев, обвинивших Лондон в отходе от мейнстрима согласованной западноевропейской политики в регионе.

Между тем Вашингтон продолжал нагнетать обстановку, готовя международное общественное мнение к грядущему «крестовому походу» против глобального терроризма. В своей программной речи в 2002 г. президент Буш прямо назвал Ирак, Иран и Северную Корею «субъектами оси зла», что подразумевало практические действия для противоборства с ними. На созванной через некоторое время в Мюнхене представительной международной конференции заместитель министра обороны США Вулфовиц поставил в известность присутствовавших представителей политических элит о том, что Вашингтон намерен сколотить так называемую «коалицию желающих» для реальной борьбы с террористами. Западная общественность была шокирована таким напором Белого дома, который, в свою очередь, обвинил Европу, «за исключением Великобритании», в том, что она продолжает пребывать в мире иллюзий и не хочет нести бремя борьбы с терроризмом. Эти слова, отнюдь, не способствовали укреплению позиций Лондона в Старом Свете.

Британский премьер, прибывший в апреле 2002 г. с визитом в США, уединился с «другом Джорджем» на президентском ранчо в Кроуфорде, где был поставлен перед фактом начавшейся американцами разработки планов по вторжению в Ирак. Позже, как вспоминал тогдашний посол Великобритании в США Кристофер Мэйр, Блэр был весьма озадачен американскими намерениями и, не возражая против них в принципе, предложил тщательным образом просчитать все последствия данного мероприятия, начало которого, по мнению премьера, всё же следовало бы отложить – хотя бы на январь 2003 г. [11, p. 155].

Джордж Буш-мл. и его команда были заиклены на идее свержения режима Саддама Хусейна, так досаждавшего американцам ещё со времён его отца. Широко обсуждавшиеся в СМИ причины вторжения, а именно «ядерная программа Багдада» или «связь иракского диктатора с терактами 11 сентября 2001 г.», на самом деле не имели никакой связи с долгосрочными планами бушевской администрации. Но и Блэр со своим кабинетом, точно так же как и его американские «друзья», был не на шутку встревожен эволюцией обстановки на Большом Ближнем Востоке, главным возбудителем «антизападничества» в котором он считал саддамовское руководство в Ираке. При этом Лондон устами британского премьера взял на себя роль идеологического сопровождения интервенции, без устали повторяя, что война с Ираком – это не «крестовый поход» против мусульман. Но внутрибританская мусульманская община обвиняла его именно в «организации такого похода». Более того, с началом военных действий против Ирака в либеральных кругах по обе стороны Атлантики стали активно муссироваться слухи, а в СМИ – появляться материалы о том, что вся эта «борьба с террором» есть не что иное, как «плод глобального заговора Америки с целью окончательного покорения мира в интересах транснациональных компаний, жаждущих прибыли от эксплуатации нефтяных скважин».

Британскому же премьеру при этом отводилась роль «прикрытия» американского заговора. В этих условиях, как заявил советник Блэра Дэвид Мэннинг, констатируя факт ограниченности влияния Лондона на решительные действия Вашингтона, Британии оставалось только плотнее примкнуть к США и тем самым отвлечь от себя поток критики [18, р. 175]. Белый дом, естественно, не был против такого «единения» усилий.

И всё же Блэр предпринял ряд шагов, пытаясь убедить американских партнёров действовать более гибко, чтобы не раздражать исламский мир. Для этого в апреле 2003 г., когда боевые действия в Ираке были уже в полном разгаре, британский премьер в ходе личной встречи с американским президентом во время визита последнего в Великобританию настоятельно рекомендовал США выступить с инициативой по разблокированию арабо-израильского диалога и больше апеллировать к ООН.

Со своей стороны и Белый дом, после переизбрания Дж. Буша на второй срок в 2004 г., обозначил свою склонность к новым, более мягким шагам на международной арене и желание к налаживанию более тесных трансатлантических отношений. Причём это было сделано в контексте ухода со своего поста К. Пауэлла и, казалось бы, укрепления позиций в администрации таких «ястребов» как глава Пентагона Д. Рамсфелд. В то же время новый госсекретарь Кондолиза Райс, хотя и имела репутацию «жесткой дамы Америки», явно питала симпатию к британцам, в том числе к их премьеру Блэру, которая быстро переросла в дружбу.

Такое развитие событий в определённой степени ободрило официальный Лондон, который даже стал позволять себе дистанцироваться от исходящих из Белого дома жестких заявлений, в том числе относительно угроз военного давления на Иран. Блэр в ходе совещания «Большой восьмёрки» в Шотландии в июле 2005 г. демонстративно призвал Вашингтон обратить взоры на бедственное положение в Африке и организовать международную финансовую по-

мощь странам Черного континента. Британский премьер явно преследовал и цель поднять свой авторитет среди европейцев, представ в качестве независимо мыслящего политика, тем более что Великобритании по ротации перешла роль председательства в Европейском Союзе.

В 2005 г. Тони Блэр был переизбран на пост премьер-министра Великобритании, что обеспечило ему поддержку парламентского большинства. Между тем в руководимой им Лейбористской партии начались брожения, вызванные в том числе и недовольством слишком тесной привязкой внешнеполитического курса британского кабинета к политике быстро терявшего популярность президента США. К тому же достоянием гласности именно в тот период стали факты тайной транспортировки через британские аэропорты «исламских» узников войны с террором, о чем, якобы, американцы даже не поставили в известность британское руководство. Это вызвало шквал обвинений в адрес Блэра и его команды в том, что они окончательно «легли под американцев».

Всё это объективно демонстрировало ограниченность влияния британцев на внешнеполитический курс Белого дома, даже когда имело место, по сути, полное единство мнений по актуальным вопросам мировой политики.

После десятилетнего пребывания на посту премьера Блэр по ряду причин, в основном внутривнутриполитических, был вынужден подать в отставку и передать премьерские полномочия однопартийцу, своему же министру финансов Гордону Брауну, приступившему к исполнению новых обязанностей в июне 2007 г. Новый британский премьер и по характеру, и по политическим взглядам заметно отличался от своего предшественника. Он не был склонен заводить дружбу или устанавливать неформальные связи с какими-либо лидерами зарубежных стран, включая даже США. В политике он был чрезвычайно осторожен и в отличие от социал-либерала Блэра считался лидером социал-демократического крыла Лейбористской партии.

Всё это не могло не отразиться и на контактах Лондона и Вашингтона на высшем уровне. На словах декларируя важность сохранения «особых отношений» с США, британский премьер сам мало что делал для этого. Да и в Вашингтоне, судя по просочившейся через «Викиликс» в прессу «закрытой» переписке внутри Государственного департамента, к этому времени уже были изрядно утомлены «британской паранойей вокруг “особости” в двусторонних отношениях» [7]. Не прибавило авторитета Брауну среди вашингтонских политиков и начатое с его согласия расследование в связи с войной в Ираке, в ходе которого всплыли факты, выставившие в неприглядном свете многих как британских, так и американских политиков.

Избрание в 2008 г. в США первого в истории этой страны чернокожего президента демократа Барака Обамы не внесло каких-либо серьезных коррективов в развитие двусторонних отношений. К тому же Обама являлся мало того, что представителем «неанглосаксонской расы», но и, как позже выяснилось, по линии матери он имел корни в Ирландии, а его далёкие предки были вынуждены в XIX веке эмигрировать в США из-за геноцида, по сути, организованного именно британцами. Несмотря на неоднократные заверения нового американского президента в необходимости «поддержания крепких исторических связей между США и Великобританией», некоторый негативизм в его отношении к

Альбиону порой находил свой выход, в частности, во время визита президента в Ирландию весной 2011 г., когда Обама обнародовал факт ирландских корней.

Браун недолго оставался в должности премьера, и в июне 2010 г. ему как лидеру партии, проигравшей выборы консерваторам и их союзникам, пришлось уступить пост Дэвиду Кэмерону.

Новый премьер первым делом объявил возвращение двусторонних британо-американских отношений на прежний высокий уровень в списке приоритетных задач своего правительства и стал прилагать к этому усилия. В одной из своих речей он заявил о том, что «Британия останется твёрдым союзником США» и что «хорошие американо-британские отношения абсолютно естественны, поскольку зиждутся на прочнейшем фундаменте» [23, р. 84].

Однако первые же практические шаги консервативного кабинета не могли не озадачить заокеанских союзников. Уже осенью 2010 г. в Лондоне был опубликован программный документ под названием «Обзор стратегической обороны и безопасности», в котором, в том числе, содержался правительственный план кардинальной реорганизации национальной военной машины. Цель реформы британских ВС, как и почти всякой подобной реформы, заключалась в «экономии средств», выделяемых на военные нужды, и подразумевала существенные сокращения личного состава, военной техники и военных заказов для промышленности. Объявляя о смещении акцентов в развитии ВС страны на подготовку к «экспедиционным войнам», чем возмущались британские военные и поддерживающие их политики – приверженцы «твёрдого курса», кабинет Кэмерона своими реформами якобы фактически подрывал национальный военный потенциал.

Аналогичного мнения придерживались и в Белом доме. Госсекретарь США Хилари Клинтон в этой связи публично выразила озабоченность относительно планов британских консерваторов [25]. Американцы были озадачены даже не столько возможной утратой британцами статуса «надёжного союзника» в результате существенных сокращений затрат на военные нужды, сколько самим прецедентом таких сокращений, который с большой вероятностью мог быть взят в качестве примера для подражания «менее стойкими европейскими союзниками США». Примечательно, что на данном фоне при развернувшейся шумной дискуссии в СМИ по обе стороны Атлантики относительно «деградации военных связей двух стран», лежащих в основе «особых отношений», как-то незаметно, без привлечения особого внимания, проскользнули факты беспрецедентного укрепления двусторонних контактов по линии разведки, принявших форму постоянно действующих совместных структур и согласованных мероприятий.

Следующим по очереди серьёзным трением в отношениях Лондона и Вашингтона стал так называемый ливийский кризис, обострившийся к концу зимы 2011 г. и переросший в настоящую гражданскую войну в этой стране с вмешательством в нее блока НАТО и ряда региональных держав. Барак Обама, по сути авансом получивший в 2009 г. Нобелевскую премию мира и ещё в ходе избирательной кампании обещавший завершить военные кампании в Афганистане и Ираке с выводом оттуда американских войск, абсолютно без энтузиазма воспринял идею своих европейских союзников о непосредственном участии в «урегулировании» внутреннего конфликта в Ливии. Это отсутствие «желания» аме-

риканцев контрастировало с позицией Лондона и с прямыми призывами Дэвида Кэмерона использовать вооружённые силы западных союзников.

Американцы, через своих представителей в штаб-квартире НАТО, всё же включились в военное планирование и по началу даже обозначили своё прямое участие в реализации идеи о введении бесполётной зоны над Ливией, но затем отмежевались от практических шагов, предоставив Лондону и Парижу и пошедшим у них на поводу некоторым европейским и ближневосточным союзникам полную свободу действий в Ливии. Сформированная новая ось Лондон – Париж, поставившая перед собой цель расправы с режимом Каддафи, начавшего было шантажировать Запад угрозой лишения его нефтяных компаний сверхприбылей, а затем и «выдавливанием» их из этой страны, всё же добилась успеха, поставив у руля власти в Триполи хоть и ненадёжных, но «своих людей». Вашингтон формально поддержал союзников и одобрил победоносное «для интересов демократии» завершение конфликта, но вместе с тем выразил озабоченность относительно будущего развития событий в Ливии. Тем самым он дал ясно понять, что без участия американцев не может идти и речи о достижении какого-либо серьёзного решения любой конфликтной ситуации в современном мире.

* * *

Безусловно, «эпоха Обамы – Кэмерона» в американо-британских отношениях ещё не завершена. Однако уже можно констатировать, что и этот период в двусторонних отношениях США и Великобритании станет очередным этапом в сложно развивающихся «особых отношениях» двух ведущих англосаксонских государств, изобилующих «приливами» и «отливами», но никогда не перерастающих в открытое противостояние и представляющих собой пример теснейших отношений, не имеющих прецедента в истории многосторонних связей двух субъектов на международной арене.

Список литературы

1. *Давыдов В.Ф.* Военно-политическое сотрудничество США и Англии «к восходу от Суэца» // США: экономика, политика, идеология. 1971. № 11. С. 67–72.
2. *Давыдов В.Ф.* США, Англия и ЕЭС: расчёты и реальность // США: экономика, политика, идеология. 1976. № 10. С. 14–24.
3. *Давыдов В.Ф.* Тори и Вашингтон: реанимация «особых отношений» // США: экономика, политика, идеология. 1980. № 3. С. 61–65.
4. *Печуров С.Л.* Коалиционные войны англосаксов. История и современность. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 256 с.
5. *Печуров С.Л.* США и Великобритания: в русле «особых отношений» // США ♦ Канада: экономика, политика, культура. 2012. № 2. С. 71–84.
6. *Baker J.A.* The Politics of Diplomacy. New York: Putnam's Sons, 1997. 687 p.
7. *Bradford J.* Ties That Bind: U.S. Perspectives on the UK's SDSR // Defence Systems. Summer 2011. Vol. 14. No. 1.
8. *Cheny S.A.* The General's Folly // Foreign Affairs. 1977. No. 1.
9. *Dickie J.* Special No More: Anglo-American Relations: Rhetoric and Reality. London: Weidenfeld & Nicolson, 1994. 299 p.

10. *Dobson A.P.* The Kennedy Administration and Economic Warfare against Communism // International Affairs. 1988. No. 64.
11. *Dumbrell J.* A Special Relationship. Anglo-American Relations from the Cold War to Iraq. Palgrave Macmillan, 2006. 318 p.
12. Foreign Relations of the United States. 1951. Vol. 4. Part 1.
13. *Hames T.* The Special Relationship // A Conservative Revolution? Adonis and Hames (eds). 1994. 200 p.
14. *Hennesy P. & Anstey C.* (eds.) Moneybags and Brains. Glasgow: Strathelyde University/BBC, 1970.
15. Hillary Clinton Worried' by UK Defence Cuts // The Guardian. 15.10.2010.
16. *Horne A.* Macmillan, 1894-1956. London: Macmillan, 1993. 535 p.
17. *Hurd D.* An End to Promises. London: Collins, 1979. 161 p.
18. *Kampfner J.* Blair's Wars. London: Free Press, 2003. 384 p.
19. *Kissinger H.A.* The White House Years. Boston: Little, Brown, 1979. 1521 p.
20. *Macmillan G.* Pointing the Way, 1959-1964. London: Macmillan, 1972. 403 p.
21. *Major J.* John Major: The Autobiography. London: Harper Collins, 1999. 800 p.
22. Public Papers of the Presidents...1997. Vol. 1. 1998.
23. A Question of Security. The British Defense Review in an Age of Austerity / Ed. by Michael Codner and Michael Clarke. RUSI. Whitehall, London, 2011. 345 p.
24. *Schlesinger A. Arthur M.* A Thousand Days. John F. Kennedy in the White House. Greenwich, Conn.: Fawcett Publications, Inc. 967 p.
25. *Thatcher M.* The Downing Street Years. London: Harper Collins, 1993. 912 p.
26. *Zelikow P. and Rice C.* Germany Unified and Europe Transformed. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995. 492 p.